

ЭССЕ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-592-612

ОБРАЗ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОСТЮМА*

А.В. Панкова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: anjanstja@rambler.ru)

В статье представлена попытка показать возможности социологического анализа феномена свободы через декодирование соответствующих смыслов, заключенных в различных элементах одежды отдельного исторического периода. Автор признает, что исследовать понятие свободы в социологии чрезвычайно трудно по причине неуловимости (непонятны и неоднозначны эмпирические индикаторы ее наличия и степени выраженности) и одновременно универсальности (каждый человек имеет собственное представление о свободе и способах ее маркирования) данного понятия. Ни в коем случае не претендуя на разработку некоторой модели социологической оценки свободы через ее внешние проявления в костюме, автор лишь пытается обозначить общие контуры возможного социологического рассуждения по данной теме. В начале статьи кратко обозначены сложившиеся в литературе трактовки соотношения свободы и причинности, подходы к интерпретации свободы (внешняя и внутренняя ее проекции), аналитические «оптики» для исследования способов самовыражения в одежде (акцент сделан на ценностно-деятельностном подходе), «элементы» свободы (возможности и ограничители, освобождение и закрепощение — как зафиксированные в соответствующих кодовых системах костюма). Основная часть статьи посвящена рассмотрению того, как все перечисленные аспекты предлагаемого социологического анализа костюма как отражающего определенную степень свободы человека/группы в обществе прослеживаются в российском обществе в рамках особого исторического периода (1861—1905 годы), так называемой «постреформенной эпохи», когда наметились возможности для демократизации общества и его развития в капиталистическом формате. Автор отмечает различия двух этапов, характеризующихся общественно-политическими особенностями: канун буржуазных реформ и первые годы после отмены крепостного права; период с 1880-х годов. Однако сосредоточивает внимание на описании конкретных изменений костюма, которые прослеживались в обществе в целом (скажем, принятие и адаптация европейского городского костюма) и в разных слоях (городского) общества той эпохи (мещанство, дворянство, купечество и др.), отмечая также внутрисловные и внесловные, поколенческие и гендерные особенности трансформации костюма.

Ключевые слова: свобода, одежда, коды, декодирование, ценностно-деятельностный подход, российское общество в пореформенный период, векторы трансформации городского костюма

Исследовать понятие свободы в социологии чрезвычайно трудно, прежде всего в связи с неуловимостью и универсальностью данного понятия. Каждый индивид понимает его по-своему, в зависимости от собственной системы координат,

* © Панкова А.В., 2017.

поэтому многие ученые говорят о невозможности исследования свободы, поскольку «все, что становится объектом научного изучения, предполагает наличие предшествующей причины» [3. С. 111], а свобода таковой не обладает. Однако свобода и причинность не составляют логического противоречия: «Индивид, осознающий свою собственную свободу, не исключается из мира причинности, а скорее воспринимает свою собственную волю как очень специфическую категорию причины, отличную от других причин, с которыми он должен считаться. Но это отличие нельзя доказать научно... Не существует методов фиксации свободы ни в себе, ни в другом человеке, есть лишь внутренняя субъективная убежденность, которая моментально растворится, как только к ней применят инструмент научного анализа» [1. С. 114—116]. С невозможностью зафиксировать свободу можно согласиться при условии связывания ее со свободой воли, что же касается свободы действия и свободы выбора, то они вполне поддаются научному исследованию, в том числе социологией: ее интересует феномен несвободы, факторы, ограничивающие уровень индивидуальной свободы в процессе изменения свободы социетальной. В этом смысле в социологии свобода «имеет причинность» и можно говорить о большей-меньшей свободе в терминах изменения степени несвободы.

Можно выделить в социологии две точки зрения на феномен свободы: внутреннюю и внешнюю. Используя внутреннюю проекцию, исследователь фокусируется на социальном субъекте, который оценивает уровень и динамику своей свободы исходя из своих жизненных целей, ценностей и возможностей их достижения на данный момент. Эти представления разделяют все социальные изменения на актуальные и неактуальные для определенного индивида или групп, т.е. в центре исследования оказывается процесс восприятия социальным субъектом происходящих изменений и своего места в обновленном социальном пространстве. Случаи, когда восприятие индивидом реальности значительно отличается от реального состояния дел, также можно считать характеристикой новой реальности. Иными словами, внутренняя точка зрения на свободу и внутренняя свобода — разные понятия, поскольку последнее обозначает личное пространство индивида, в котором он может оставаться самим собой [26]. В социологии в рамках данной проекции изучается переживание актором (группой) социальных изменений сквозь призму его (ее) личных координат: каждый субъект в каждый момент времени обладает своей «линейкой», мерой, точкой отсчета изменений в социальной реальности и оценки своего места в ней (безусловно, внутренние обстоятельства лишь условно внутренние — это продукт прошлого влияния внешней среды на индивида).

Что касается внешней проекции, то здесь во главу угла ставятся изменения во взаимоотношениях субъекта с социальной средой (государство, другие группы и т.п.) независимо от отношения субъекта к ним (актуальны ли они для него, осознаваемы и т.д.). Исследователей интересует, какую область потенциальной свободы в реальности задают социальные системы разных типов либо одна и та же система в разные исторические периоды, изучаются гарантии свободы, ее подкрепление социальными институтами, ограничения, накладываемые обществом на индивида, динамика шансов на изменение ситуации в сторону «освобождения»

и т.д. Данная перспектива позволяет рассматривать любое общество как отличное от других своим «способствующим потенциалом», т.е. возможностями для формирования и проявления индивидуальностей [26]. Э. Фромм писал: «различия между индивидами в каждом обществе кажутся значительными, но в любом обществе существует определенный предел индивидуализации, за который нормальный индивид выйти не может» [22. С. 258]. Кроме того, и социальное распределение свободы различно в разных обществах, что выражается в том числе и через костюм. Самовыражение через одежду — явление в социальной истории сравнительно недавнее, причем не все слои общества могли и до сих пор могут позволить себе такую возможность, поэтому примеры индивидуализации можно уловить лишь в тех слоях общества, которые обладали(ют) достаточно высоким статусом для выражения собственного мнения [20].

Для оценки возможностей свободного самовыражения в одежде необходимо объединить несколько аналитических «оптик» [21]: институционально-правовую, ценностно-деятельностную и стратификационную. В частности, ценностно-деятельный подход подразумевает учет значимости для субъекта изменений в сфере освобождения или закрепощения: не все изменения, даже формально положительные, могут рассматриваться субъектом как позитивные, они могут носить для него нейтральную или даже негативную окраску (на что влияет множество факторов). Кроме того, социологи признают и разное понимание свободы индивидами, но, несмотря на это, свобода считается универсальной ценностью в том смысле, что независимо от возраста, пола, расы, социального положения и т.д. важна способность человека достигать важных для него целей или следовать тем ценностям, которые для него значимы. В статье используется универсальная точка зрения на свободу, а специфичность и разнообразие трактовок свободы определяется заданным историческим периодом (российское общество середины XIX — начала XX века). Таким образом, интеграция внутренней и внешней точек зрения на свободу позволяет одновременно изучать три вида свободы: социетальную, групповую и индивидуальную.

Основными составляющими свободы являются: освобождение, возможности и ограничители. Под «освобождением» понимается процесс обретения индивидами (группами) больших возможностей для выбора и осуществления жизненно важных целей и ценностей вследствие изменения социальной среды либо благодаря собственным стараниям. Возможности — это совокупность условий для осуществления чего-либо, и условия могут быть не только внешними, но и внутренними, т.е. это индивидуальные способности индивида (умения, знания, навыки). Границы возможностей регулируются ограничителями — это преграды, снижающие уровень свободы субъекта относительно некоторого состояния. Ограничитель может воздействовать таким образом, что возможности субъекта не будут уменьшаться, однако для поддержания предыдущего состояния усилий придется прикладывать больше. Так, в периоды особых социальных потрясений «неосознаваемые ранее ограничения становятся явными, и, напротив, часть из осознаваемых ранее ограничений в новых условиях уходит на второй план, начинает восприни-

маться преимуществом, а не недостатком прежней жизни; в изменившихся условиях одни ограничения отмирают сами собой, другие — преодолеваются с большей легкостью, чем прежде, третьи же, напротив, предстают новыми непреодолимыми преградами и т.д.» [26]. В подобные периоды происходят наибольшие изменения в кодах костюма, возникают новые практики и коды свободы, причем изменения могут носить не только политический или экономический характер, а быть связаны с повседневной жизнью индивидов (впрочем, все сферы жизни взаимосвязаны, следовательно, трансформация в одной области влечет изменения в других). В этом смысле любое общество является постоянно изменяющимся, однако изменения в ряде областей порождают наибольшие потрясения и отражаются на отношении человека к собственному телу и одежде. Проиллюстрируем эту зависимость на истории русского костюма.

По замечанию Э. Холландер, «попытка рассмотреть эстетику одежды исключительно с точки зрения экономической, или политической истории, или истории технологической, или даже с точки зрения социальных обычаев и традиций, с которыми она находится в столь тесной и повседневной связи, могут оказаться весьма продуктивными, если ставить вопрос о механизмах влияния всех этих контекстов на тот символический язык, на котором говорит одежда» [23. С. 14]. Наиболее подходящей моделью для изучения семантической структуры общества с точки зрения костюма (и не только костюма [19]) является теория У. Эко о коде (S-код, «семантический код») и процессе коммуникации, где любой элемент костюма рассматривается как особый проводник в коммуникации. Эко отказывается от общепринятой теории информации, предполагающей наличие отправителя, сообщения и адресата: сообщение понимается за счет кода, общего для отправителя и адресата. По мнению Эко, в коммуникации участвует не один код, а целый ряд кодов, поэтому сообщение может восприниматься по-разному в зависимости от культурных обстоятельств. Культурный код необходим для передачи сообщения, сконструированного на основе системы культурных элементов, число комбинаций которых ограничено: число выборов уменьшается, в то время как число возможностей передачи сообщения увеличивается (код позволяет прикреплять к ним все новые семиотические метки).

Соответственно, уровень свободы общества и индивида выражается через костюм по-разному в зависимости от культурных детерминант, однако можно выделить общие моменты в трансформации кодификаций, обозначив коды, связанные с внутренней свободой: коды закрепощения (неудовлетворенность уровнем свободы) и коды свободы (принятие существующей системы, удовлетворенность). Для оценки уровня свободы в обществе следует обращать внимание на (1) коды материала костюма, (2) коды состояния одежды, (3) коды различий между разными слоями (насколько сильны различия), (4) коды самовыражения (насколько индивид может позволить себе самовыражение), (5) коды идеала эпохи (насколько костюм соответствовал идеалу эпохи) и (6) коды разнообразия костюма (для каждой функции — свой костюм).

Безусловно, все исторические изменения костюма оказали влияние на современный внешний вид и отношение человека к своему телу, однако наиболее ин-

интересно с этой точки зрения последнее столетие — сравнительно недавний период, который жив в памяти людей. Нижняя хронологическая граница рассматриваемого периода — 1861 год, начало либеральных реформ, запустивших процессы интенсивной урбанизации страны и формирования принципиально новой городской культуры. Верхняя хронологическая граница — 1905 год. Данный период важен потому, что предположительно именно в это время происходят наибольшие изменения в костюме, связанные с трансформацией кодов свободы. Кроме того, с XIX века в России и на Западе формируется стремление индивида к воспроизводству в одежде частного и группового самоопределения. С одной стороны, некоторые люди вследствие изменений пытаются выделиться, чтобы обособиться, подчеркнуть свою уникальность и особенность своей группы (одежда, особенно новая, заимствованная у других стран, позволяла экспериментировать в рамках общего идеала того времени). С другой стороны, именно в этот период появляется возможность скрыть свое «Я» за одеждой, которую носят все (этот механизм особенно свойственен нынешнему обществу).

Буржуазные реформы середины XIX века стали точкой отсчета становления капиталистического периода в истории нашей страны: происходит отмена крепостного права, предоставившая крестьянству, в частности, свободу передвижения; активно развивается отходничество, усилившиеся экономические связи между городом и деревней, и значительная часть крестьянства переселяется в города. Отмена крепостного права повлекла за собой необходимость более активного включения бывших крепостных в сферу профессиональной культуры, поэтому открываются сельские школы, распространяется грамотность. Образование в обществе пользуется особой популярностью в периоды бурного развития производительных сил и смены общественных укладов, поэтому образованный человек являлся идеалом того времени.

В 1861 году страной правил Александр II, он отменил крепостное право и запустил первые либеральные реформы, однако погиб вследствие террористического акта революционной организации «Народная воля». Внешняя политика Александра II была направлена на расширение Российской империи: к стране были присоединены Северный Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток, Батуми, Бессарабия. Многие соотечественники критиковали его политику за бессмысленность завоевания этих стран, при нем был подписан «ущербный» Берлинский трактат, продана Аляска и т.д. Именно с эпохи Александра II начинается рост общественного недовольства, появляются первые революционеры: группа Нечаева, кружки Заичневского, Ольшевского, Ишутина, организация «Земля и Воля», группа офицеров и студентов (Иваницкий и др.), готовившая крестьянское восстание [16. С. 114—139]. С 1870-х годов эти тенденции расширились, что оказало влияние и на коды свободы и закрепощения в одежде, и на трансформацию костюма в целом. Кроме того, при Александре II происходит сближение страны с Францией (распространение французской моды).

Политика отца была воспринята императором Александром III как неверная. Он полагал, что ошибкой отца стало чрезмерное доверие народу, поэтому с начала

царствования он заявляет о намерениях не ослаблять самодержавную политику и усиленно пропагандировать лозунг «Православие, Самодержавие, Народность», появившийся еще при его дедушке Николае I (именно в годы его правления распространяется псевдорусский стиль, в том числе в одежде, среди дворян). При Александре III не было войн, хотя Европа укрепляла свои позиции на мировой арене (что не могло не сказаться на внешнем виде костюма).

При Николае II, напротив, было несколько войн, в том числе русско-японская (1904—1905) и Первая мировая (1914—1918). Существуют разные точки зрения на данную фигуру: одни говорят о недостатке характера у императора, вследствие чего произошли революции и последующие изменения в стране; другие отмечают заслуги Николая II перед отечеством. Согласно статистике, налоги в России до Первой мировой войны были самыми низкими в мире: бремя прямых налогов в России было почти в 4 раза меньше, чем во Франции, более чем в 4 раза меньше, чем в Германии, и в 8,5 раз меньше, чем в Англии; бремя косвенных налогов было в среднем вдвое меньше, чем в Австрии, Франции, Германии и Англии [2]. Кроме того, с 1890 по 1913 г. производительность русской промышленности увеличилась в 4 раза, и это были реально работающие фабрики и заводы (что можно было увидеть во внешнем виде жителей страны). При Николае II растет вывоз сельскохозяйственных продуктов из России в Англию (зерна и муки) и Западную Европу [2]; проводится аграрная реформа. Противоречия вокруг данной исторической фигуры связаны и с разделением страны на лагеря: поддерживающих и противостоящих самодержавию (что, предположительно, можно увидеть в костюме).

Отмена крепостной зависимости создавала новые социальные возможности для демократизации общества, чему не особенно способствовало самодержавие. Благодаря участию российской интеллигенции в стране была фактически создана народная школа, положено начало системе технических училищ, включая отраслевые высшие учебные заведения и семинарии, готовящие учителей начальных классов; открылось множество музеев и библиотек. В этот период начинают зарождаться предпосылки гражданского общества как сферы реализации различных общественных интересов (правовых, образовательных, культурных), не связанных с деятельностью государства [28. С. 220].

В целом в развитии пореформенной России можно выделить два этапа, различающихся общественно-политическими особенностями развития общества: 1) канун буржуазных реформ и первые годы после отмены крепостного права; 2) период с 1880-х годов. В первые два пореформенные десятилетия активно распространялось просвещение народа, было пересмотрено законодательство о печати, художественно-изобразительное искусство продвигало идеи демократизма и революционного народничества. Так, одна из участниц педагогического движения 1860-х годов Е.Н. Водовозова вспоминала: «Эти годы можно назвать весной нашей жизни, эпохой расцвета духовных и общественных идеалов, временем горячих стремлений к свету и к новой, еще неизведанной деятельности... небывалое до тех пор стремление общества к нравственному и умственному обновлению... как охватило русских людей лихорадочное движение вперед, как страстно стре-

милась молодежь к самообразованию и просвещению народа, какую непреклонную решимость выражала она, чтобы сразу стряхнуть с себя ветхого человека, зажить новою жизнью и сделать счастливыми всех нуждающихся и обремененных. Такое небывалое до тех пор стремление общества к нравственному и умственному обновлению имело громадное влияние на изменение всего мирозерцания русских людей, а вместе с тем и на многие явления жизни, на отношение одного класса общества к другому» [12. С. 256]. Возникают первые благотворительные общества, что было связано с упрощением процедуры их создания и поддержкой правительства. С 1850-х годов начинается рост легкой промышленности: на место помещичьих фабрик приходят капиталистические вместе с наемными рабочими [10. С. 63]. Начинается рост массового производства (в основном в крупных городах), появляются новые технические усовершенствования, развивается портняжное дело, расширяется оптовая и розничная торговля, постепенно внедряются новые формы продажи (разъездной, рассылки в другие города по заказам и пр.), что делает товары более дешевыми и доступными, растет платежеспособность представителей средних и низших слоев, т.е. увеличивается их экономическая свобода.

Однако 1880-е годы современники называли «глухими и черными», потому что усилилась государственная поддержка православной церкви, ее влияние на систему школьного образования; был издан «указ о кухаркиных детях», запрещающих поступление в гимназии детям простолюдинов: «при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, не следует выводить из среды, к коей они принадлежат» [15]. Тем не менее, изменения в стратификационной системе были неизбежны — появляется новый слой горожан, промышленный пролетариат. В целом, к 1917 году в Российской империи существовало 4 основных сословия: дворянство, духовенство, городское и сельское население.

Городское население делилось на *почетных граждан, купцов, цеховых мастеров, мещан, мелких собственников, рабочих людей (работающих по найму)*. Посадское, или городское, торгово-ремесленное население, в отличие от дворянства и духовенства, не было привилегированным и обязано было платить «государево тягло»: налоги и повинности, в том числе рекрутскую повинность [25. С. 340]. К особой группе в городском сословии относились крупные капиталисты, владевшие капиталом более 50 тысяч рублей, оптовые торговцы и владельцы кораблей: с 1807 года они назывались «первостатейное купечество», но с 1832 года название изменилось на *почетных граждан*. Последние подразделялись на потомственных и личных: званием потомственного почетного гражданина обладала крупная буржуазия, дети личных дворян, священников и дьяков, художники, агрономы, артисты имперских театров, лица, которые были усыновлены потомственными дворянами и почетными гражданами, а также окончившие технические училища, учительские семинарии и артисты частных театров. Почетные граждане пользо-

вались рядом привилегий: освобождались от личных повинностей, от телесных наказаний и т.д. [13. С. 143].

Основным городским населением было *мещанство*. Каждый мещанин был приписан к городскому обществу, которое можно было покинуть только по временному паспорту, а изменить — только с разрешения властей. Мещане были обязаны выплачивать подушную подать, подлежали рекрутской повинности и телесному наказанию, не имели право работать на государственной службе, на военной службе не обладали правами вольноопределяющихся. Им было разрешено вести мелкую торговлю, работать по найму, заниматься промыслом. В каждом городе создавалось мещанское общество с избираемыми управами, старостами и их помощниками (с 1870 года). Мещанам принадлежала большая часть городского недвижимого имущества. В середине XIX века мещане впервые освободились от телесных наказаний, с 1866 года — от подушной подати (сословный налог). Принадлежность к мещанскому сословию передавалась по наследству, записаться в мещане могли лица, которые были обязаны избирать род жизни, после отмены крепостного права все крестьяне получили такую возможность, но только при условии увольнения из сельского общества и разрешения властей. Кроме того, крестьянину было необходимо обладать городской недвижимостью или заниматься торговлей или ремеслом, платить подати и исполнять общественные службы. Мещане обладали правом корпоративного объединения и сословного самоуправления (через мещанские управы), существовал отдельный мещанский суд. Мещане, занимающиеся ремеслом, относились к цеховым: любой, кто постоянно занимался ремеслом, был обязан записаться в цех.

Мещане, которые разбогатели и развили свое дело, переходили в *купцы*, в то время как обедневшие купцы — в мещане. В 1863 году была отменена третья, самая низшая гильдия купцов, и все они снова стали мещанами. Помимо крестьян в мещане переходили и бывшие военнослужащие, у которых была льгота — свобода от податей. После отмены крепостного права численность мещан резко возросла, прежде всего за счет крестьян, которые стремились стать мещанами, чтобы не платить подушную подать. В действительности они не занимались торговлей и ремеслами, а, купив дом в городе, арендовали землю и продолжали жить земледелием. Некоторые из мещан получали образование и переходили в сословие разночинцев [7]. С 1811 года численность мещан значительно выросла и к 1897 году составила 44% городского населения.

В пореформенное время возникли новые слои городского населения — торгово-промышленная буржуазия, а также пролетариат, который пополнялся за счет крестьян и городского мещанства. Мещанство оставалось основным слоем в российских городах и в конце 1890-х годов составляло 10,7% населения России, крестьянство — 84% (согласно данным Всероссийской переписи 1897 года). Люди приезжали в город не только за новыми экономическими возможностями, но и за благами городской жизни: образование, пожарная безопасность, торговля, общественно-культурная жизнь, водопровод и канализация, электрическое освещение в домах и на улицах, железнодорожные вокзалы, депо, электро- и телефонные

станции. Однако деревенская Россия продолжала доминировать над городской по причине невысоких масштабов и темпов урбанизации. Признаки урбанизации, которая меняла профессиональную структуру населения, формировала специфически городской образ жизни и повышала социальную мобильность, проявлялись лишь в некоторых столичных городах, которые и стали центром «свободы», а городской житель — идеалом свободы.

Крестьяне были обязаны платить подушную подать, а также иные налоги и сборы для содержания армии, флота, строительства, промышленности и т.д. Крестьяне были основным источником пополнения армии, они же были вынуждены осваивать новые земли. В крестьянстве существовала своя иерархия: *помещицы, государственные посессионные и удельные, принадлежащие царской фамилии*. После 1861 года крестьяне официально стали свободными сельскими обывателями с гражданскими правами. Выйдя из крепостничества, крестьяне стали объединяться в сельские общества, для управления которыми образовывали волость. В селах и волостях крестьянам было предоставлено самоуправление. Юридических свобод у крестьян стало больше, следовательно, их новый костюм должен был содержать больше кодов свободы.

Дворяне на протяжении XVIII века усиливали свой статус господствующего сословия посредством множества изменений как в самоорганизации, так и в правовом положении. Во-первых, произошла внутренняя консолидация прежних иерархий, стирание различий между существовавшими ранее группами служилых «по-отечеству» (бояре, дворяне московские, дворяне городовые, дети боярских, жильцов и т.д.). Большую роль в данном процессе сыграл указ о единонаследии 1714 года, устранивший различия между вотчинами и поместьями: все дворяне-землевладельцы получали землю на основе единого положения о недвижимой собственности. Табель о рангах (1722) устранил остатки местничества (прежде всего в юридическом плане): каждый дворянин начинал службу с самой низкой позиции 14 класса в морской или военной службе (корнета, прапорщика, гардемарина) или в качестве коллежского регистратора в гражданской службе. Теперь юридически большее влияние имели способности, личные заслуги и преданность государю. Однако при Анне Ивановне в 1736 году срок службы был ограничен 25 годами, затем Указ о вольностях дворянских 1762 года отменил для дворян обязательную службу и освободил от телесных наказаний. Их положение стало, действительно, вольготным, что подтвердила Екатерина II. Учреждение для управления губерний (1775) и Жалованная грамота дворянству (1785) окончательно закрепили положение дворян. К началу XX века дворянство было не только самым привилегированным сословием, но и самым сплоченным, образованным и адаптировавшимся к государственной власти. Первая русская революция стала толчком к дальнейшему политическому объединению дворянства: в 1906 году на всероссийском съезде уполномоченных дворянских обществ был создан Совет объединенного дворянства [30. С. 402], который оказывал значительное влияние на правительственную политику. Соответственно, костюм дворянина рассматриваемого периода должен содержать коды свободы и демонстрировать ориентацию на одежду императорской семьи.

В XIX — начале XX веков в Российской империи господствовал консервативно-патриархальный уклад жизни, в котором женщина занимала подчиненное положение: оно закреплялось юридически, поддерживалось высшими органами государственной власти и значительной частью населения страны. В XIX веке в научных и общественных кругах доминируют теории о природных основаниях неполноценности женщин (слабее физически и глупее мужчин), но в то же время, с 1830-х годов, передовая интеллигенция (Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, М.Л. Михайлов, К.Д. Ушинский и др.) писали о необходимости освобождения женщин от мужского гнета [8]. С середины XIX века начинается активная критика гражданских законов по отношению к женщине, сравнивается российское и зарубежное законодательство, критике подвергается свод законов, посвященный браку и семье, а также порядку наследования. По мнению критиков, законодательство было устаревшим и не давало женщинам политических прав, ограничивало их права на образование и применение полученных знаний в профессии.

Вследствие сложной внутривластной обстановки и роста критических статей авторитетных юристов начали предприниматься попытки разработать новый проект гражданского уложения, в котором права женщин были бы расширены. Так, за освобождение женщин от телесных наказаний выступали А.Г. Тимофеев, А.Ф. Кистяковский, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий и др. С развитием промышленного производства начался рост числа женщин, занятых на фабриках, стали подниматься вопросы об охране прав трудящихся женщин. К началу XX века возросло число сторонников идеи предоставления женщинам политических прав и права свободно осуществлять свою профессиональную деятельность [8]. Перед революцией 1905 года появляются, а затем активно развиваются женские организации, которые сыграли важную роль в раскрепощении женщин. Положение женщин по сословиям различалось: так, женщина в крестьянской семье, как в других сословиях, была обязана заниматься домашним хозяйством, однако ее хозяйство предполагало и тяжелый физический труд — помощь мужу на полях. Незамужняя девушка не имела никаких прав, голоса в семье, ее имущество ограничивалось приданым и долей в семейном имуществе. Жениха для дочери выбирали родители, однако мнение невесты часто учитывалось. После заключения брака женщина оказывалась полностью зависима от мужа, однако когда муж уезжал на заработки, женщина оставалась за главную. После смерти мужа вдова получала все права хозяйки и могла управлять свободно имуществом дома. В некотором роде прав у крестьянских женщин было больше, чем у других сословий, что было связано прежде всего с выживанием. Несмотря на это, крестьянские женщины были обязаны жить под одной крышей с мужем и несли повинность, если убегали из дома (только муж мог разрешить женщине покинуть дом). Фактически имущественные права крестьянок, в отличие от представительниц других сословий, определялись не столько родственными отношениями, сколько их ролью в ведении общего крестьянского хозяйства. Следовательно, можно предположить,

что костюм крестьянок отличался от женского костюма других сословий не только кодами статуса и социального положения, но и большим числом кодов свободы.

Однако в больше степени нас интересует городской костюм, который отражал несколько важных тенденций того времени: активное развитие отношений с Европой (в костюме отражаются коды идеала европейской свободы) и профессиональное развитие городов (соответствующие коды в женском и мужском костюме). Исследователи костюма выделяют три основных этапа в распространении городского европейского костюма среди российских горожан [27]: 1) 1850—1860-е годы — распространение европейского костюма за пределы дворянского сословия, некоторые купцы и мещане начинают носить подобного вида костюм. Значительная часть городского населения, особенно в провинции, все еще носит сословную одежду, но костюм европейского покроя появляется в столицах и губернских городах, т.е. изменения в костюме происходят до социальных потрясений, костюм реагирует на настроения в обществе. В светской женской моде господствуют кринолин, корсет и пышная декоративная отделка; в мужской одежде цилиндр вытесняют шляпы. С 1867 года завершается мода на широкие платья на кринолине, появляются платья с турнюрами и треном (рис. 1); в мужской одежде во второй половине 1860-х годов появляется костюм-тройка; 2) 1870—1880-е годы — широкое распространение в качестве повседневного городского европейского костюма; в последней трети XIX века на основе европейского костюма вместе с русской рубашкой формируется выходной костюм фабричных рабочих (рис. 2); 3) 1890—1905 годы — завершение перехода к костюму европейского типа всех слоев городского населения; распространяется готовая одежда, обеспечивающая свободу движения своему владельцу, соответствующая новым гигиеническим требованиям; в 1890-е годы упрощается крой женской одежды, возрастает число женщин, самостоятельно зарабатывающих себе на жизнь (представители дворянского, духовного и мещанского сословий), и они отказываются от корсетов, турнюров и тренов (шлейфов), от «обеляющей» косметики; в 1899 году появляется тальер — женский деловой костюм (рис. 3) [11. С. 214].

Рисунок 1

Рисунок 2

Допетровский городской костюм по сравнению с костюмом XVIII и XIX веков достаточно статичен и традиционен, тогда как в пореформенной России городской костюм стал весьма самобытен. Именно в этот период зарождается и распространяется мода на «русское платье»; изменяются гендерные роли и появляются два специализированных типа женской одежды — спортивный и производственно-профессиональный. Хотя в целом сословный костюм вытесняется общегородским, сословные разграничения сохраняются, особенно в женской одежде. Так, многие дворянки того периода носят по парижской моде сложные и вычурные наряды (кринолин, турнюр, трен, рукабуф), которые содержат в себе коды отличия от купеческого сословия и простонародья. Вероятно, такие вычурные наряды стали следствием «выравнивания», некоторым протестом и отказом от принятия эгалитарных социально-профессиональных изменений в городской среде (в начале 1860-х годов кринолины достигали таких размеров, что затрудняли движение не только своей хозяйки, но и окружающих — рис. 4). Костюмы изготавливались из дорогих тканей, которые не могли себе позволить представительницы других сословий: шифон, тюль, бархат, шелк и т.д. В 1870-х кодами отличия и социального положения в женских платьях были его детали: обильное украшение воланами, манжетами, драпировками и плиссировками из тюля, цветами, перьями, кружевами и т.д. Впрочем, к концу XIX века женщины высших сословий смиряются и начинают носить деловые костюмы. В целом женская одежда становится проще, с меньшим числом деталей (но внимание переключается на аксессуары, чрезвычайно украшенные веера, заколки для волос, шляпки с брошами и цветами и т.д.).

Рисунок 3

Рисунок 4

Свою индивидуальность многие дворяне проявляли в стиле «а-ля рус»: женщины носили очень простые, без дополнительных деталей платья; турнюр заменялся бантом или небольшой драпировкой; в моду входят павло-посадские платки. «Сам император Александр III был убежденным славянофилом и проводил в жизнь псевдорусский стиль» [4. С. 27]. Многие дворяне носили льняные платья с фартуками, отделанные суровым кружевом, как бы показывая свое нежелание что-либо менять: император Николай II и его семья, вслед за Александром III, были любителями традиционных русских нарядов (рис. 5). Одним из известных коллекционеров русских народных костюмов была Н.Л. Шабельская, жена крупного землевладельца: она была не просто коллекционером костюма, а коллекционером технологии и ремесла, собирала вышивку, изделия мастериц со всей России; создавала школы для девушек по кройке и шитью, где они учились шить, как мастерицы прошлого [18]. Она собрала крупную коллекцию, однако совмещать правильно элементы народной одежды не умела, поэтому нельзя назвать воспроизводимый ею стиль русским, в нем присутствовали и подлинные элементы русского костюма былых эпох, и стилизованные (рис. 6). У дворян сохранялись различные платья: праздничные (выходные), повседневные, позже появился деловой костюм — каждое платье отличалось особыми функциями (наиболее неудобными были бальные платья 1860-х годов с огромными кринолинами, в них девушки были похожи и передвигались, как «облака»).

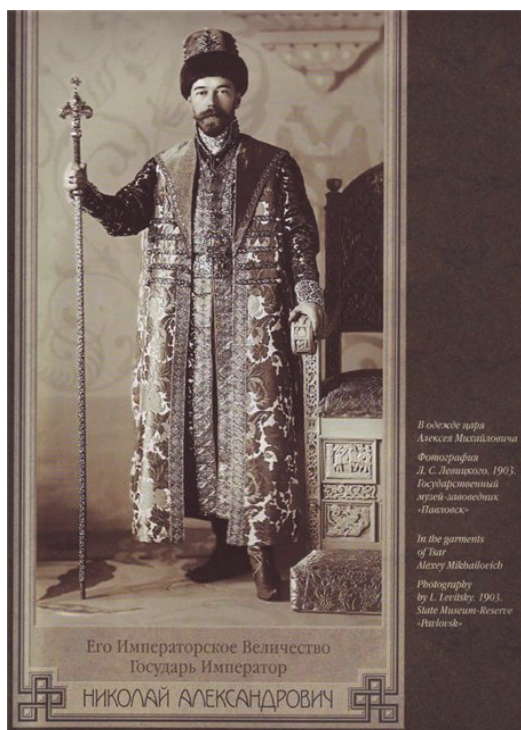

Рисунок 5
(на костюмированном балу)

Рисунок 6

Со временем коды сословных разграничений постепенно становятся менее заметными вследствие распространения общеевропейского костюма в ходе урбанизации и ослабления влияния традиций. Долгое время модный светский костюм демонстрировал высокий социальный статус и уровень свободы его носителя (дворяне). Однако во второй половине XIX — начале XX века светская мода распространяется и среди представителей других сословий. В частности, изменяется купеческая одежда, в которой начинают проявляться коды «европейского» костюма. В целом прослеживается тенденция движения к более простому, комфортному покрою платья и демонстрации своей образованности (профессиональной принадлежности). Так, деловой костюм, аналогичный английскому, становится выходным костюмом-тройкой, в 1860-х годах сюртук был заменен пиджаком, который ранее был частью охотничьего костюма, пиджак вместе с брюками и жилетом создаются теперь из одной ткани.

Купечество также не сразу принимает внесословный костюм. В пореформенную Россию он приобретает «смешанный» вид, соединяя европейские и национальные (старокупеческие) элементы (салоны, поддевки, косоворотки, сапоги). Как пишет ряд авторов, «дремучие» губернские торговцы и фабриканты, особенно из староверов, рядились мужиками — ситцевые рубахи-косоворотки, перепоясанные пестрыми кушаками, широкие шаровары, заправленные в разухабистые жирные скрипучие сапоги со многими складками, поверх рубах — поддевки-безрукавки из шерсти, но чаще из рыхлого восточного бархата с толстой цепочкой карманных часов [24]. Постепенно купеческое платье разделяется на «немецкое» и «русское», что объясняется ростом числа купцов не только из крестьян, но и из дворян, решивших заняться коммерцией. Современники часто критиковали купчих, предпочитающих «русский стиль», в излишней «бохатости» нарядов: они носили чрезмерное количество бус, колец; предпочитали слишком яркие сочетания цветов (рис. 7); у «русских» купцов кодами статусности были меховые шапки, карманные часы на цепочке, чуйки, бороды, поскольку для них принятие общеевропейского костюма означало потерю своего положения, отказ от демонстрации своего статуса, что воспринималось «закрепощением», а не «освобождением» [24].

В городах купцы чаще старались одеваться в европейском стиле (рис. 8). Н.А. Варенцов ярко описал подобные примеры: «Продажей хлопка занимался я, но для продажи других товаров, как-то: шелка-сырца, сырнока, шерсти, кожи, каракуля — был бухарец Хусейн Шагазиев. Вид у него был щеголеватый: в галстучке булавка с большим бриллиантом, на указательном пальце перстень с таким же бриллиантом, на жилете висела толстая золотая цепочка с брелоками» [6]. Сословную принадлежность выдавали детали — слишком толстые цепочки и здоровенные карманные часы, дородные перстни, крепко сидящие на толстых пальцах, галстучные булавки невообразимых размеров, купцы своеобразно использовали европейские элементы одежды: «Ходили обыкновенно пить шампанское в винный погребок Богатырева, близ Биржи, на Карунинской площади. Прежде всего, Королев (Михаил Леонтьевич, московский городской голова) ставил на стол свою шляпу-цилиндр, затем начинали пить, и пили до тех пор, пока шляпа не наполнялась пробками от шампанского; тогда только кончали и расходились» [5. С. 16]. Купец

Веретенников быстро разбогател за счет наследства своего родителя, который рано умер, и подчеркивал свой достаток белым цветом: его костюмы, обувь, головные уборы — все было белым. Он носил только белые трости и галстуки, ездил кататься по купеческой Москве на отличной паре искристо белых лошадей, управляемой молодым кучером во всем белом. Обеспеченность в тот период приравнялась к свободе.

Рисунок 7

Рисунок 8

Несомненно, существовали различия в принятии европейского костюма купечеством в зависимости от возраста и места проживания. В глубинке молодежь старалась одеваться на «парижский манер», но пожилые дамы предпочитали облачаться в исконно купеческий костюм: «Прежде все купчихи носили юбки и кофты, а на головах платки; платки были парчевые, глазетовые, тканые, с золотыми каймами, шитые золотом, битью, канителью; бывали платки по сто пятидесяти рублей; дома носили в достаточных и бедных домах бумажные вязаные колпаки. Ныне все молодые женщины, купчихи, одеваются точно так же, как и в столице. Кто придет прямо из Москвы или Петербурга, тот мало заметит разницы в одежде» [24]. Таким образом, достаточно продолжительное время «русский» и «немецкий» купеческий костюм сосуществуют, после чего происходит постепенное расширение сферы применения первого. Полный отказ от бывшего платья происходит лишь после смены поколений и превращения купцов в новорусских предпринимателей (как у прочих сословий для женщин был характерен более медленный отказ от бывшего костюма).

Несомненно, прослеживались различия и в одежде жителей разных городов. Так, например, москвичи одевались несколько иначе, чем жители Петербурга: «...ядро коренного московского народонаселения составляет купечество», которое

опирается на такое «многочисленнейшее сословие, как мещанство»; костюм этих сословий представлял собой «...дикое смешение русской одежды с европейскою» [17]. В XVIII—XIX веках Москва стала центром текстильной промышленности, где изготавливались все виды тканей на любой вкус и кошелек: хлопчатобумажные, льняные, шерстяные, шелковые и др., что позволяло городскому жителю проявить свою индивидуальность. Москвички того времени одевались пестро благодаря большому выбору тканей и мануфактурных изделий. Городской костюм включал богато украшенные вышивкой детали, колористическое богатство и разнообразие технических приемов, некоторые из которых были связаны с народным декоративным искусством и причудливо сочетались богатыми слоями особенно во второй половине XIX века (просвещенное купечество, предприниматели, промышленники, фабриканты, коммерсанты, биржевики и др.).

Что касается крестьянского костюма, то его, в первую очередь, определяло то, что жили крестьяне очень бедно, однако и на их костюме сказалось европейское влияние, особенно после 1860-х годов (рис. 9). Яркие национальные костюмы сохранили в основном зажиточные крестьяне, которые облачались в них по большим праздникам, а каждый день носили одежду европейского покроя. Зажиточные крестьяне могли себе позволить дорогие ткани (сатин и шелк) и «обуржуазиться» в костюме: мужчины сменили порты на брюки в городском стиле, стали носить высокие сапоги, заправляя туда брюки гармошкой; кафтаны и армяки были сменены на пиджаки (двубортные были кодом большей статусности и стоили дороже). Женщины стали носить кофточка, «польты» и шубки, а также зонтики и галоши: «...их одежда состояла из ситцевого платья, поверх которого они надевали нечто вроде кофты-пальто, доходившей до середины бедра, на голове — цветастые платки, завязанные под подбородком. Женщины помоложе носили чулки и башмаки, старухи, пренебрегая этой данью западной моде, по-мужицки обувались в грубые смазные сапоги» [24].

Рисунок 9

Помимо распространения европейского костюма формируется и особый костюм внесословных субкультур, чей внешний облик содержит коды оппозиции к самодержавию, сословному делению и дворянской идеологии. Как правило, выделяют две такие субкультуры — разночинная европейски ориентированная молодежь, настроенная демократически и оппозиционно к власти, и славянофилы. Обе группы стремились к упрощению городского костюма, предпочитали простой покрой, часто нарочито копировали народную крестьянскую одежду («под мужика» и «под сарафан»), хотя у славянофилов стиль «а-ля рус» состоял из элементов традиционного наряда представителей высоких сословий, а одежда разночинцев ориентировалась на низкие сословия. Поражение России в Крымской войне (1853—1856) стало толчком к росту националистических настроений и, в частности, к ношению национальной одежды. Многие студенты облачались в одежду, которая ранее могла бы считаться традиционно-нормальной для крестьян, а теперь содержала в себе коды протеста и стремления к новому уровню свободы. Демонстративный демократизм студенческого костюма усиливался нарочитой неопрятностью, воспринимался не только как вызывающий, но и как маскарадный, причем особенно возмущали публику длинные волосы [14. С. 207].

Безусловно, возраст влияет на усвоение и принятие кодов свободы в одежде. Молодость — не только время интериоризации и подчинения доминирующим культурным кодам, но и пространство эксперимента, переопределения заданных или сопротивления/избегания навязываемых практик общения с телом и костюмом. Среди студентов существовало разделение на «аристократов» и «демократов» по внешнему виду: «аристократы» носили аккуратную одежду с иголки, сюртук на белой подкладке, высокие накрахмаленные воротники; «белоподкладочники» были основой студенческой группировки «академистов», главным лозунгом которых был «Университет для науки, в нем нет места для политики».

Таким образом, в рассматриваемый исторический период в российском обществе «сверху вниз» начинает распространяться мода на европейский костюм, однако в силу интенсификации урбанизации в пореформенный период трансформация сословной структуры общества наиболее ярко просматривается в костюме средних и низших слоев. В целом коды свободы и закрепощения распределяются между социальными слоями неравномерно, в том числе и в рамках каждого отдельного сословия, поэтому можно говорить о следующих тенденциях: чем выше социальное положение индивида (в том числе внутри сословия), тем медленнее происходит трансформация костюма в направлении общего идеала эпохи (идеала свободного индивида); медленнее всего меняется костюм женщин высокого положения — по сравнению с мужским костюмом, а также платьем женщин из более низких социальных слоев; изменения в костюме начинаются раньше социальных и политических потрясений; несмотря на распространение внесословного костюма европейского типа, коды социальных различий сохраняются и легко считываются (ткань, отделка, аксессуары, детали, украшения, приближенность к моде); широкие возможности самовыражения в одежде формируются вместе с усреднением экономических возможностей представителей разных социальных слоев; тем

не менее, сохраняются коды «закрепощения», хотя нередко в нарочито-демонстративной форме (небрежная и бедная одежда у людей, которые могут позволить себе более качественную одежду) или вынужденно (бедная одежда из дешевых тканей у людей из достаточно высокого социального слоя, которые не могут себе позволить хорошую одежду, в отличие от, например, зажиточного крестьянина). В целом несоответствие декларативных свобод реальным возможностям, но расширение прав обуславливают бурный рост числа и разнообразия кодов свободы в российском повседневном костюме, что свидетельствует об общем переходе разных социальных групп от традиционных к новым представлениям и структурам, связанным с развитием капиталистического и гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Арон Р. Эссе о свободах: «Универсальной и единственной формулы свободы не существует» // Политические исследования. 1996. № 1.
- [2] Балязин В. Неофициальная история России. Последний император. М., 2007.
- [3] Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. М., 1996.
- [4] Боханов А.Н. Александр III. М., 1998.
- [5] Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991.
- [6] Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 2011.
- [7] Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.
- [8] Ворошилова С.В. Правовое положение замужней женщины в России XIX в. // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 3.
- [9] Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России (XIX — начало XX вв.) // Правовая культура. 2011. № 1.
- [10] Гвоздецкий В.Л. Индустриальное развитие Российской империи (1861—1917 гг.). М., 1988.
- [11] Дамские моды XIX века. Историко-художественная монография о женских нравах и вкусах. СПб., 1899.
- [12] Захарова Л., Эклоф Б., Бушнелл Дж. Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992.
- [13] Иванов П.И. Обзорение прав и обязанностей российского купечества и вообще всего среднего сословия. М., 2005.
- [14] Куприянов А. Дурацкие костюмы. Студенты, мода и национальная идентичность // Родина. 2009. № 1.
- [15] Рождественский С.В. Исторический очерк деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1909.
- [16] Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 11. Л.—М., 1926—1928.
- [17] Русский городской костюм в России XVII — начала XX века // <http://iamruss.ru/russkij-gorodskoj-kostyum-v-rossii-xvii-nachala-xx-veka>.
- [18] Симонова М. Лекции. По следам «Русских Сезонов» в Томске: «Петушиный стиль», нарядные кормилицы и тайна коллекции Шабельской // <http://obzor.westsib.ru/article/471628>.
- [19] Троцук И.В., Морозова А.В. Дарение цветов: особенности ритуализированной практики в современном обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 1.
- [20] Троцук И.В., Морозова А.В. Одежда как индикатор степени свободы и социально-экономического состояния общества // Теория и практика общественного развития. 2016. № 11.
- [21] Троцук И.В., Морозова А.В. Социальные функции одежды: костюм как предмет социологического интереса // Обсерватория культуры. 2015. № 2.
- [22] Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995.

- [23] *Холландер Э.* Взгляд сквозь одежду. М., 2015.
- [24] *Хорошилова О.* Костюм и мода Российской империи. Эпоха Александра II и Александра III. М., 2015.
- [25] *Чибириев С.А.* История государства и права России. М., 1998.
- [26] *Шабанова М.А.* Социология свободы: Трансформирующееся общество. М., 2000.
- [27] *Шапиро Б.Л.* Городской костюм в контексте культуры пореформенной России: Автореф. к.и.н. М., 2014.
- [28] *Шульгин В.С., Кошман Л.В., Сысоева Е.К., Зезина М.Р.* История русской культуры IX—XX вв. М., 2004.
- [29] *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 2004.
- [30] *Яблочков М.Т., Лакиер А.Б., Петров П.Н.* История русского дворянства. М., 2009.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-592-612

THE IMAGE OF A FREE MAN IN THE RUSSIAN SOCIETY IN THE MIDDLE OF THE XIX — EARLY XX CENTURY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE COSTUME*

A.V. Pankova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: anjanstja@rambler.ru)

Abstract. The article considers the possibilities of the sociological analysis of freedom by decoding meanings hidden in various elements of clothing. The author admits that it is extremely difficult to work with the concept of freedom in sociology due to both its elusiveness (empirical indicators are unclear and ambiguous) and universality (everyone has his own idea of freedom and ways to define it). The author does not claim to develop a model of the sociological evaluation of freedom through its external manifestations in the costume — just to outline the general sociological reasoning on the issue. First, the article considers some common interpretations of relations between freedom and causality, approaches to the study of freedom (its external and internal projections), analytical 'optics' to reveal the ways of self-expression in clothing (emphasis is made on the value-activity approach), and 'elements' of freedom (possibilities and limitations, liberation and enslavement as coded in the corresponding clothing systems). The main part of the article considers the embodiment of these elements reflecting a certain degree of individual/collective freedom in the Russian costume in 1861—1905, in the so-called 'post-reform period' that provided some opportunities for the democratization of society and its capitalist development. The author underlines the social-political differences of two stages: the eve of bourgeois reforms and first years after the abolition of serfdom; and the 1880s and beyond. The article focuses on the specific changes of the costume in the Russian society in general (for example, adoption and adaptation of the European urban costume) and in different (urban) strata (petty bourgeois, nobility, merchants, etc.) including generational, gender and other features of costume transformations.

Key words: freedom; clothing; codes; decoding; value-activity approach; Russian society in the post-reform period; trends of the urban costume transformations

* A.V. Pankova, 2017.

REFERENCES

- [1] Aron R. Esse o svobodah [An essay on freedom]: “Universal'noj i edinstvennoj formuly svobody ne suschestvuet”. *Politicheskie issledovanija*. 1996; 1 (In Russ.).
- [2] Baljazin V. *Neoficialnaja istorija Rossii. Poslednij imperator* [Unofficial History of Russia. The Last Emperor]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [3] Berger P.L. *Priglasenie v sociologiju: Gumanisticheskaja perspektiva* [Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective]. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [4] Bohanov A.N. *Aleksander III*. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [5] Buryshkin P.A. *Moskva kupecheskaja* [Merchant Moscow]. Moscow; 1991 (In Russ.).
- [6] Varentsov N.A. *Slyshannoe. Vidennoe. Peredumannoe. Perezhitoe* [What Was Heard, Seen, Thought About and Lived Through]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [7] Wirtshafter E.K. *Social'nye struktury: raznochincy v Rossijskoj imperii* [Social Structures: Commons in the Russian Empire]. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [8] Voroshilova S.V. Pravovoe polozhenie zamuzhnej zhenshhiny v Rossii XIX v. [The legal status of a married woman in Russia in the XIX century]. *Pravovaja politika i pravovaja zhizn'*. 2010; 3 (In Russ.).
- [9] Voroshilova S.V. Pravovoe polozhenie zhenshhin v Rossii (XIX — nachalo XX vv.) [The legal status of women in Russia (XIX — early XX century)]. *Pravovaja kul'tura*. 2011; 1 (In Russ.).
- [10] Gvozdet'skij V.L. *Industrial'noe razvitie Rossijskoj imperii (1861—1917 gg.)* [Industrial Development of the Russian Empire (1861—1917)]. Moscow; 1988 (In Russ.).
- [11] *Damskie mody XIX veka. Istoriko-hudozhestvennaja monografija o zhenskikh nnavah i vkusah* [Ladies' Fashion of the XIX Century. Historical-Artistic Monograph on Women's Manners and Tastes]. Saint Petersburg; 1899 (In Russ.).
- [12] Zakharova L., Eklof B., Bushnell J. *Velikie reformy v Rossii. 1856—1874* [Russia's Great Reforms, 1856—1874]. Moscow; 1992 (In Russ.).
- [13] Ivanov P.I. *Obozrenie prav i objazannostej rossijskogo kupechestva i voobshhe vsego srednego soslovija* [A Review of the Rights and Duties of the Russian Merchants and of the Entire Middle Class in General]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [14] Kuprijanov A. Durackie kostjummy. Studenty, moda i nacional'naja identichnost' [Stupid costumes. Students, fashion, and national identity]. *Rodina*. 2009; 1 (In Russ.).
- [15] Rozhdestvenskij S.V. *Istoricheskij ocherk dejatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshhenija* [A Historical Essay on the Activities of the Ministry of Public Education]. Saint Petersburg; 1909 (In Russ.).
- [16] Rozhkov N. *Russkaja istorija v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii (osnovy social'noj dinamiki)* [Russian History in the Comparative-Historical Perspective (Foundations of Social Dynamics)]. Vol. 11. Leningrad—Moscow; 1926—1928 (In Russ.).
- [17] Russkij gorodskoj kostjum v Rossii XVII — nachala XX veka [Russian city costume in XVII — early XX century]. URL: <http://iamruss.ru/russkij-gorodskoj-kostyum-v-rossii-xvii-nachala-xx-veka> (In Russ.).
- [18] Simonova M. Lekcii. Po sledam «Russkih Sezonov» v Tomske: «Petushinyj stil'», narjadnye kormilicy i tajna kollekcii Shabel'skoj [Lectures. Following the “Russian Seasons” in Tomsk: “Cockish style”, smart foster-mothers, and the secret of Shabel'skaja's collection] // <http://obzor.westsib.ru/article/471628> (In Russ.).
- [19] Trotsuk I.V., Morozova A.V. Darenie cvetov: osobennosti ritualizirovannoj praktiki v sovremenom obshhestve [Giving flowers as a gift: A ritualized practice in the contemporary society]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2017; XX (1) (In Russ.).
- [20] Trotsuk I.V., Morozova A.V. Odezhdka kak indikator stepeni svobody i social'no-ekonomicheskogo sostojanija obshhestva [Costume as an indicator of the degree of freedom and social-economic situation]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya*. 2016; 11 (In Russ.).

- [21] Trotsuk I.V., Morozova A.V. Social'nye funkicii odezhdy: kostjum kak predmet sociologičeskogo interesa [Social functions of clothing: Garments as an object of sociological interest]. *Observatorija kul'tury*. 2015; 2 (In Russ.).
- [22] Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape From Freedom]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [23] Hollander A. *Vzgljad skvoz' odezhdu* [Seeing Through Clothes]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [24] Khoroshilova O. *Kostjum i moda Rossijskoj imperii. Epoha Aleksandra II i Aleksandra III* [Costume and Fashion of the Russian Empire. The Epoch of Alexander II and Alexander III]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [25] Chibirjaev S.A. *Istorija gosudarstva i prava Rossii* [History of the State and Law of Russia]. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [26] Shabanova M.A. *Sociologija svobody: Transformirujuscheesja obshhestvo* [Sociology of Freedom: A Transforming Society]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [27] Shapiro B.L. *Gorodskoj kostjum v kontekste kul'tury poreformennoj Rossii* [City Costume in the Post-Reform Russian Culture]: Avtoref. k.i.n. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [28] Shulgin V.S., Koshman L.V., Sysoeva E.K., Zezina M.R. *Istorija russskoj kul'tury IX—XX vv.* [History of Russian Culture in IX—XX Centuries]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [29] Eko U. *Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju* [The Absent Structure]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [30] Yablochkov M.T., Lakier A.B., Petrov P.N. *Istorija russskogo dvorjanstva* [History of Russian Nobility]. Moscow; 2009 (In Russ.).